

Карвовский Франц Иванович

К польскому вопросу

Четверть века назад

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф82

Ф82 **Франц Иванович К.**
К польскому вопросу: Четверть века назад / Карвовский Франц Иванович — М.: Книга
по Требованию, 2024. — 42 с.

ISBN 978-5-519-88365-8

ISBN 978-5-519-88365-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

II.

Исторія революціи въ Россіи — исторія будущаго; источники революціоннаго движенія у насъ коренятся въ глубинѣ политическаго и соціальнаго строя страны, и потому начало этого движенія трудно отнести къ какому-нибудь опредѣленному году; тѣмъ не менѣе семидесятые годы прошлаго вѣка можно считать эпохой, когда политическое броженіе широкой волной захватило интеллигентные круги; вначалѣ глухое, оно принимало все болѣе и болѣе острый характеръ и вылилось, наконецъ, въ формѣ революціоннаго террора. Сосредоточиваясь въ университетскихъ городахъ, въ мѣстахъ наибольшаго скопленія молодежи, революціонный процессъ увлекалъ молодые умы безъ различія національностей и принялъ, наконецъ, весьма ярко обрисовавшуюся космополитическую окраску. Национальное по своему духу въ началѣ вѣка (декабристы), революціонное движеніе въ Россіи все болѣе и болѣе отклонялось отъ народнаго русла, и къ концу вѣка оно уже въ сильной степени прониклось интернаціональнымъ духомъ. Эта черта русской революціи послужила почвой для возникновенія диссонансовъ въ стремленіяхъ академической молодежи, среди которой не замедлилъ обнаружиться расколъ; зараженная космополитизмомъ русская революціонная идея оттолкнула отъ себя тѣ элементы, въ которыхъ было сильно развито сознаніе своей исторической обособленности и самобытности.

Такимъ элементомъ явились, между прочимъ, поляки. Молодое поколѣніе польскаго общества, родившееся во время инсurreкціонной вспышки 60-хъ годовъ, естественно, было проникнуто оппозиціоннымъ духомъ; обстоятельство это явилось благопріятной почвой для пропаганды революціонныхъ идей; однако политическій угаръ не долго владѣлъ умами польской молодежи: чѣмъ сильнѣе становились удары русской революціонной волны, тѣмъ болѣе созрѣвало въ умахъ польской молодежи сознаніе необходимости сплоченія, съ цѣлью такъ или иначе реагировать на проявленія быстро развивающагося въ окружающей средѣ движенія. Такъ какъ цементомъ, объединявшимъ разрозненныя группы польской молодежи, служило патріотическое одушевленіе, то, естественно, вновь народившаяся организація приняла сразу характеръ пассивной оппозиціи по отношенію къ русскому движенію, казавшемуся полякамъ чуждымъ по духу. И вотъ, въ концѣ 70-хъ годовъ мы видимъ уже вполне сформировавшееся сообщество польской академической молодежи, организацію, провозгласившую поразительно умѣренный для того времени лозунгъ самообразования и самопомощи, лозунгъ, рамки котораго болѣе радикальные элементы сообщества пытались раздвинуть, направивъ дѣятельность сообщества на путь просвѣщенія народныхъ массъ.

Скромная программа, начертанная молодежью, встрѣтила сочувствіе въ широкихъ слояхъ польскаго зрѣлаго общества. Дѣло въ томъ, что событія 60-хъ годовъ заставили поляковъ очнуться отъ политическаго сна, въ который ихъ повергла пагубная политика несбыточныхъ мечтаній. Жестокій ударъ, нанесенный этимъ грезамъ неумолимой дѣйствительностью, вызвалъ въ польскомъ обществѣ просвѣтленіе умовъ, критическое отношеніе къ своему прошлому, сознаніе своихъ не-

достатковъ и допущенныхъ промаховъ и твердое рѣшеніе перемѣнить курсъ въ сторону «реальной политики». Возникла идея т.-н. «органической работы», идея производительнаго труда и культурнаго соревнованія на общечеловѣческой и, въ частности, общеславянской почвѣ. Критическое отношеніе къ ошибкамъ прошлаго сблизило между собою отцовъ и дѣтей и создало столь рѣдкую и трогательную гармонію въ стремленіяхъ старшаго и младшаго поколѣній; единеніе двухъ этихъ поколѣній въ сферѣ политической мысли явилось сильнымъ толчкомъ въ дѣлѣ возникновенія среди молодежи новой политической организаціи и въ то же время надежнымъ залогомъ успѣха послѣдней.

Въ концѣ 70-хъ годовъ мы видимъ уже во всѣхъ университетскихъ городахъ вполнѣ оформившіяся кружковыя организаціи польскаго учащагося юношества подъ тѣмъ же скромнымъ флагомъ «самообразованія и взаимопомощи». Организаціямъ этимъ польское общество оказываетъ щедрую матеріальную помощь и поддерживаетъ съ ними постоянную связь. Въ университетскихъ городахъ періодически устраиваются съѣзды представителей польской интеллигенціи, тяготеющей къ тому или другому образовательному центру; на этихъ съѣздахъ выборные отъ польской учащейся молодежи излагаютъ основанія своихъ политическихъ программъ, свои уставы, докладываютъ о дѣятельности и нуждахъ своей корпораціи и выслушиваютъ сужденія объ этой дѣятельности со стороны представителей зрѣлой половины польскаго общества. Мы видимъ даже подобные съѣзды въ роли третейскихъ трибуналовъ, рѣшающихъ споры, возникающіе въ средѣ организаціи по вопросамъ принципиальнымъ и тактическимъ. Ко времени этихъ же съѣздовъ приурочивается сборъ пожертвованій на дѣло организаціи. Помимо этихъ

главныхъ источниковъ, матеріальные ресурсы организаціи пополнялись еще мѣсячными взносами членовъ общества и доходами отъ устраиваемыхъ въ пользу организаціи вечеровъ и спектаклей. Опреѣленный процентъ отъ собранныхъ этими способами средствъ отчислялся въ такъ-называемый неприкосновенный капиталъ, остальные же деньги расходовались на покупку книгъ для общественныхъ библіотекъ, на выдачу вспомошествованія нуждающимся товарищамъ и, главнымъ образомъ, на уплату за право слушанія университетскихъ лекцій за неимущихъ. Каждое общество студентовъ-поляковъ того или другого университета представляло собою самостоятельную организацію, и единственной связью между подобными кружками была общая руководящая идея. Впрочемъ въ рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ общества вступали между собою въ сношенія при посредствѣ делегатовъ. Въ частностяхъ, уставы территоріальныхъ организацій видоизмѣнялись сообразно мѣстнымъ условіямъ. Въ общемъ же, начала организаціи сводились примѣрно къ слѣдующему: основной ячейкой служилъ повсемѣстно сплоченный товарищескій кружокъ, руководимый выборнымъ старостой; въ кружковыхъ собраніяхъ обсуждались вопросы политическіе и соціальные, читались выдержки изъ новѣйшихъ сочиненій по этимъ вопросамъ и доклады членовъ кружка. Эти же собранія пользовались также компетенціей товарищескаго суда чести въ отношеніи своихъ членовъ. Совѣтъ кружковыхъ старостъ, имѣвшій періодически особые засѣданія, представлялъ собою вторую организаціонную инстанцію, не лишенную также судебной компетенціи въ дѣлахъ товарищескаго суда чести. Наивысшей же инстанціей, исключительно пользовавшейся властью учредительской, были общія собранія всѣхъ участниковъ организаціи даннаго города.

Обыкновенныя общія собранія созывались совѣтомъ старшинъ разъ въ годъ, чрезвычайныя же по мѣрѣ надобности. Здѣсь обсуждались и рѣшались вопросы уставнаго характера. Общее собраніе распоряжалось имуществомъ общества: бібліотекой и кассой, назначало завѣдующихъ этими послѣдними, заслушивало и провѣряло ихъ отчеты, это же собраніе выносило окончательное рѣшеніе въ отношеніи тѣхъ постановленій товарищескаго суда чести, которыя вынесены были кружковыми собраніями и собраніемъ старость, но по тѣмъ или инымъ причинамъ не могли быть приведены въ исполненіе.

Съ перваго же момента по возникновеніи польскаго академическаго союза, въ дѣятельности послѣдняго обнаружилось три теченія: консервативное, прогрессивно-демократическое и революціонное. Первое изъ нихъ проявило наименѣе жизненности; число сторонниковъ этого направленія вообще было крайне незначительно, и ни въ одной территоріальной группѣ союза они не успѣли образовать болѣе одного кружка (10 — 15 человекъ). Членами этой фракціи были по преимуществу представители родовой аристократіи и плутократіи. Партія послѣдовательно держалась платформы узкаго націонализма, а также религіозной и сословной исключительности. Вліяніе консерваторовъ на созрѣваніе политическаго самосознанія польской молодежи было настолько ничтожно, что съ наличностью этого теченія никто серьезно не считался.

Зато между прогрессивно-демократическимъ центромъ и крайней лѣвой революціонной партіей возгорѣлась горячая борьба, которая послѣ событій 80-хъ годовъ приняла весьма острый характеръ и повсемѣстно закончилась побѣдою умеренно-демократическаго центра, побѣдой, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ отпаденіе лѣваго меньшинства отъ польскаго

студенческаго сообщества. Отпавшая группа оказалась однако слишкомъ слабой, чтобы объединиться и продолжать самостоятельную дѣятельность; она разсѣялась и, въ концѣ-концовъ, слилась съ общерусской или, вѣрнѣе, космополитической революціонной организаціей. Этому въ значительной мѣрѣ способствовало то обстоятельство, что крайнія идеи, проповѣдуемыя этой фракціей, не встрѣтили сочувствія въ массѣ польскаго общества, и послѣднее рѣшительно отказало фракціи въ матеріальной поддержкѣ.

Мы располагаемъ богатымъ документальнымъ матеріаломъ, относящимся къ началу 80-хъ годовъ минувшаго вѣка и характеризующимъ тотъ поворотный моментъ, когда политическая мысль среди польской молодежи, какъ бы очнувшись отъ кошмарнаго гипноза, рѣшительно измѣнила свое прежнее русло и, направившись по національному пути, рѣзко отклонилась отъ директивъ международной революціонной организаціи. Никакая аргументація не въ силахъ такъ ярко представить отмѣченное нами явленіе, какъ это сдѣлаютъ имѣющіеся въ нашемъ портфелѣ доклады и рѣчи представителей польской университетской молодежи 80-хъ годовъ. Эти безпристрастныя, искреннія, юношескія изліянія послужатъ наиболѣе правдивымъ матеріаломъ для нашихъ выводовъ.

Предъ нами рѣчь кружковаго старшины, прочитанная въ октябрѣ 1882 г. на общемъ собраніи членовъ одной изъ южно-русскихъ территоріальныхъ группъ сообщества. Лекторъ, — выборный представитель центра, т.-е. того подавляющаго большинства, которое, какъ мы уже замѣтили выше, одержало верхъ въ партійной борьбѣ, черпая силы въ сочувствіи массы интеллигентнаго польскаго общества. Рѣчь слишкомъ обширна, чтобы мы рѣшились привести ее въ дословномъ переводѣ. Опасаясь утомить вниманіе чи-

тателя, мы приведемъ этотъ документъ въ сокращенномъ видѣ, подчеркивая лишь болѣе характерныя мѣста.

«Чувство патріотизма не легко поддается разсудочному анализу; врядъ ли возможно учесть всѣ многообразные элементы, изъ которыхъ оно слагается, и мы будемъ ближе всего къ истинѣ, если назовемъ это чувство врожденнымъ. Кто изъ поляковъ не лепѣтъ въ себѣ патріотическаго самосознанія? Но въ то же время каждому изъ насъ памятли тѣ чуждыя вѣянія, которыя на зарѣ нашей юности приводили въ колебаніе горящій въ сердцахъ нашихъ священный зничъ.

Дѣтство наше совпало съ эпохой реакціи, толкнувшей польское общество на новый путь. Политическія событія 40-хъ и 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, такъ сильно содѣйствовавшія соціальной нивелировкѣ нашего общества, вызвали спасительный переломъ въ умахъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ прямо или косвенно коснулась разразившаяся надъ нашей родиной политическая катастрофа. Здѣсь не мѣсто излагать всѣ стадіи того процесса, который возможно назвать политическимъ отрезвленіемъ; отмѣтимъ лишь одно изъ существенно важныхъ его проявленій, это — радикальный переворотъ во взглядахъ на дѣло школьнаго образованія; мы видимъ массовый наплывъ поляковъ въ русскія правительственныя школы; даже польское дворянство, считавшее раньше преступленіемъ воспитывать своихъ дѣтей гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, какъ только въ сословныхъ и монастырскихъ общежитіяхъ, сознало необходимость дать молодому поколѣнію серьезное научное образованіе въ публичныхъ школахъ, лишенныхъ сословной исключительности; оно поняло, что наступилъ конецъ господству сословныхъ привилегій и что нравственные и матеріальные интересы страны и молодого поколѣнія требуютъ

продолжительной, настойчивой и серьезной умственной работы. Такъ были сданы въ архивъ сложившіеся вѣками народные предрасудки, кастовое самомнѣніе, религіозная нетерпимость, національная исключительность, однимъ словомъ, цѣлый ассортиментъ вредныхъ противообщественныхъ, сорныхъ злаковъ, которые въ продолженіи вѣковъ усердно культивировались на народной нивѣ нашей духовной и свѣтской олигархіей. Если коренное населеніе въ Царствѣ Польскомъ успѣло очнуться отъ политической летаргіи уже послѣ событій 30-хъ годовъ, то для другихъ частей польскаго народа, какъ, напримѣръ, для поляковъ, населявшихъ Малороссію, потребовался жестокій урокъ 60-хъ годовъ, урокъ, явившійся послѣдствіемъ политической незрѣлости нашего общества и его наслѣдственныхъ недостатковъ; только тяжелая политическая катастрофа заставила общество прозрѣть и сознать свои заблужденія. Это было начало демократизаціи польскаго общества. Какъ ни серьезенъ былъ этотъ успѣхъ въ исторіи польской культуры, онъ сопровождался однако нѣкоторыми отрицательными явлениями, свойственными всякой реакціи; провозглашеніе эры такъ-называемой «органической работы» толкнуло умы на путь дѣятельности, по преимуществу экономической; обострившаяся борьба за существованіе потребовала чрезвычайнаго напряженія силъ и разсѣяла эти силы не безъ ущерба для политическаго самосознанія и единства польскаго общества. Интересы экономическіе отодвинули на задній планъ интересы политическіе; вслѣдъ за стихійнымъ взрывомъ политическихъ страстей и патріотическаго воодушевленія въ области народнаго самосознанія естественно наступилъ періодъ притупленія политическихъ чувствъ. Когда въ нашемъ западномъ и юго-западномъ краѣ, служащихъ

рубежемъ между польскимъ и русскимъ элементомъ, борьба за преобладаніе доставила перевѣсъ русской народности, господствующій элементъ въ лицѣ центрального правительства, съ цѣлью упрочить свою позицію, сталъ проводить систему «обрусенія края». Отмѣченная выше подавленность умовъ, поглощенныхъ всецѣло т.-н. шкурнымъ вопросомъ, подавленность, явившаяся естественнымъ спутникомъ реакціи, служила, казалось, самой благопріятной почвой для обрусительныхъ экспериментовъ. Школа, привлекавшая къ себѣ массу польской молодежи, послужила естественно самымъ могущественнымъ орудіемъ обрусенія. Близорукая политика министерства гр. Толстого изгнала польскій языкъ не только изъ школьнаго преподаванія, но даже изъ школьнаго обихода; учащимся полякамъ строго запрещено употреблять въ стѣнахъ школы родной языкъ. Убѣжденіе въ цѣлесообразности подобной системы почерпнуто изъ опыта нѣмецкой политики, которой преслѣдованіемъ языка удалось достигнуть многого въ смыслѣ германизации славянскихъ провинцій: Помераніи, Силезіи, австрійской Чехіи. Торжество нѣмецкой культуры въ славянскихъ провинціяхъ въ началѣ XIX в. казалось настолько полнымъ, что знаменитый чешскій ученый Іосифъ Дубровскій не задумался назвать чешскій языкъ языкомъ мертвымъ, имѣющимъ лишь археологическое значеніе. И что же? когда это народное благо казалось уже навѣки потеряннымъ, явились на сцену знаменитые апологеты славянства: Карль Мярка, Палацкій, Прохаска, Пельцель, Юнгманъ и др. Они ознаменовали собою эру воскресенія польскаго и чешскаго языка, польской и чешской народности. По инициативѣ и подъ руководствомъ этихъ титановъ національной мысли возникли чешское и польское патріо-

тическія общества (Матица, Macierz) и цѣлая сѣть мелкихъ кружковъ, задавшихъ цѣлью воскресить родной языкъ; чтобы обмануть бдительность нѣмецкой полиціи, организація распалась на мельчайшія группы, принимавшія общія прогулки и устраивавшія собесѣдованія, во время которыхъ запрещалось говорить по-нѣмецки, и за каждую лингвистическую ошибку на родномъ языкѣ взымался небольшой штрафъ въ пользу народной «Матицы». Такъ наши братья: прусскіе поляки и австрійскіе чехи спасали отъ гибели этотъ драгоцѣннѣйшій атрибутъ народности—родной языкъ; они намъ преподали примѣръ, достойный подражанія.

Правда, обрусительная тактика нашего министерства не достигла тѣхъ результатовъ, какими въ началѣ XIX в. могли похвастать у себя нѣмцы; этому, конечно, причиной совершенно другое соотношеніе культуры; тѣмъ не менѣе обрусеніе сдѣлало у насъ свое дѣло; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ребенокъ, едва научившійся читать по родному, попадаетъ въ русскую школу, въ русскій интернатъ; съ этого момента онъ не слышитъ другого языка, кромѣ русскаго; и въ школѣ, и въ общежитіи братьямъ роднымъ воспрещено говорить съ собою по-польски, подѣ страхомъ строгаго наказанія. Въ школѣ все преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, не исключая закона Божія; и въ школьномъ общежитіи даже молиться заставляютъ ребенка на чуждомъ ему языкѣ. Ребенокъ силится говорить по-русски, немилосердно калѣчитъ этотъ языкъ и, подвергаясь за это насмѣшкамъ товарищей и выговорамъ наставниковъ, сгораетъ отъ ложнаго стыда и невольно проникается ненавистью къ своей родной рѣчи, послѣдніе отзвуки которой причиняютъ ему столько страданій; онъ всемирно